

Информация об авторе

Голикова Светлана Викторовна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: avokilog@mail.ru).

Golikova S.V.

INFANTICIDE AND SOLDIER'S WIVES (ON MATERIALS OF COURT OF THE EKATERINBURG DISTRICT IN XIX CENTURY)

Abstract. *In article it is shown as obstetrics and embryology development in the first half – the middle Affected the laws protecting life of children XIX century. Legislation right application in this sphere is considered on materials of lawsuits of court of the Ekaterinburg district on charge a soldier's wives in infanticide.*

Keywords: infanticide, illegitimate children, control over birth rate, the criminal legislation, soldier's wives, female crime, biopower.

Information about the author

Golikova Svetlana Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Departament of Political and Sociocultural History, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: avokilog@mail.ru).

УДК 94(470.5)«1929/1940» + 314.3/4.02(470.5)(09)

Журавлева В.А.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОЖАН УРАЛА В 1929–1940 ГГ.

Аннотация. *В статье на основе архивных материалов анализируется динамика естественного воспроизводства населения уральских городов в период промышленной модернизации края. Рассматривается половозрастная структура смертности горожан региона в 1929–1940 гг.*

Ключевые слова: историческая демография, городское население Урала, естественное воспроизводство населения, рождаемость, смертность.

Проблемам естественного воспроизводства населения Урала в 1930–1940-е гг. посвящены работы Г.Е. Корнилова [12, с. 29–37], Н.Н. Макаровой, Н.В. Степановой, М.Ю. Тараканова, А.В. Чащина и др. Однако до сих пор нет обобщающего труда по воспроизводству городского населения Урала в условиях промышленной модернизации края. В данной статье делается попытка восполнить этот пробел. Исследование ведется в рамках Уральской, с 1934 г. – Свердловской и Челябинской областей. В 1938 г. из состава Свердловской выделилась Пермская область.

Промышленная модернизация Урала, развернувшаяся с конца 1920-х гг. и проводившаяся в рамках довоенных пятилеток, оказала значительное влияние на демографическую ситуацию в городах региона. В условиях быстрого роста численности городов проявился тренд к снижению естественного прироста их жителей.

Таблица 1

Естественное движение городского населения Уральской области в 1929–1932 гг.⁹

Годы	Родилось		Умерло		Естественный прирост	
	чел.	в т.ч. на 1000 чел.	чел.	в т.ч. на 1000 чел.	чел.	в т.ч. на 1000 чел.
1929	72133	45,2	41871	26,3	30262	18,9
1930	75869	41,4	53259	29,1	22610	12,3
1931	86246	39,7	69674	32,1	16572	7,6
1932	102936	36,7	93965	33,5	8971	3,2

Данные табл. 1 показывают, что за 1929–1932 гг. при увеличении абсолютных, но уменьшении относительных величин рождаемости и абсолютном и относительном росте смертности естественный прирост горожан Уральской области сократился в 6 раз.

В 1933 г., по данным табл. 2, в регионе смертность выросла настолько, что превысила рождаемость. В указанный год коэффициент естественной убыли горожан Свердловской области составила 11,8.

Таблица 2

Естественное движение городского населения Свердловской и Челябинской областей в 1933–1939 гг.¹⁰

Годы	Родилось		Умерло		Естественный прирост	
	чел.	в т.ч. на 1000 чел.	чел.	в т.ч. на 1000 чел.	чел.	в т.ч. на 1000 чел.
Свердловская область						
1933	43665	23,4	65636	35,2	– 21971	– 11,8
1934	52639	24,8	46641	22,0	5998	2,8
1935	67502	31,6	36821	17,2	30681	14,4
1936	75622	31,6	49956	20,9	19278	10,7
1937	99627	47,3	58122	27,6	24617	19,7
1938	61168		30186		30982	
1939	61311	40,8	33682	22,4	27929	18,4
1940	42071	37,1	29107	25,6	12964	11,5
Челябинская область						
1933	23763	25,6	38966	42,0	– 15203	– 16,4
1934	26894	23,1	23099	19,8	3795	3,3
1935	40125	33,1	20650	17,0	19475	16,1
1936	45260	33,8	27096	20,2	10748	13,6
1937	54620	45,2	31008	25,7	12804	19,5
1938	52639		26112		26527	
1939	50566	42,8	27382	23,2	23184	19,6
1940	44176		26620		17556	

Этот показатель оказался даже выше, чем по области в целом (– 7,5 чел. на 1000 жителей края) и сельской местности (– 3,3 чел.) [9, оп. 329, д. 19, л. 4–5]. В

⁹ Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 2; Д. 33. Л. 30; Д. 170. Л. 2–3; Д. 171. Л. 1.

¹⁰ Составлено и рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; Д. 188. Л. 97–98; ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–2 об.; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 3–4; Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 1313. Л. 17–18; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 144. Л. 111; Д. 488. Оп. 6. Д. 789. Л. 130; Оп. 7. Д. 487. Л. 79; Оп. 17. Д. 5. Л. 27 об. (1940); Ф. Р–1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 158.

Челябинской области ситуация с воспроизводством горожан оказалась еще хуже. Коэффициент естественной убыли жителей городов региона составил 16,4, в то время как по региону в целом – 2,6. В сельской местности Челябинской области сохранился небольшой, но все-таки прирост в 4,7 чел. на 1000 ее жителей [9, оп. 329, д. 19, л. 5]. Уральские коэффициенты естественного воспроизводства городского населения были ниже аналогичных данных по РСФСР и сопредельным территориям. В 1933 г. убыль горожан в РСФСР составила 9,2 на 1000 чел., в Европейской части РСФСР – 9,7, Башкирской АССР – 8,1, Западно-Сибирском крае – 4,8, Восточно-Сибирском крае – 9,8 [9, оп. 329, д. 19, л. 5, 9, 10–12].

На Урале в 1933 г. наибольшие естественные потери горожан испытали крупные промышленные центры. В Свердловской области в городах свыше 50 тыс. чел. они исчислялись в 13,8 чел. на 1000 горожан, а в Челябинской – в 24,4; в том числе: в Надеждинске – 43,6; Челябинске – 36,6; Перми – 20,2; Магнитогорске – 17,3; Златоусте – 13,7; Нижнем Тагиле – 12,5; Свердловске – 11,9; Молотовке – 6,5; Усолье с Березниками – 2,3. Из крупных уральских центров только в Лысьве сохранился небольшой прирост населения в 0,5 чел. на 1000 горожан [9, оп. 329, д. 19, л. 4–5]. Убыль населения была и в менее крупных городах. К примеру, в Алапаевске в 1933 г. умерло на 376 чел. больше, чем родилось [11, с. 58], в Чердыне – на 17 чел. [1, оп. 1, д. 93, л. 55 об.]. Таким образом, на Урале в 1933 г. налицо была демографическая катастрофа, которая нарушила демографические процессы в регионе на последующие годы.

Вместе с тем на новостройке союзного значения, в Магнитогорске, катастрофическая демографическая ситуация сложилась раньше, чем в других уральских городах. По данным Н.Н. Макаровой, убыль населения была зафиксирована уже в 1930 и 1932 гг. В эти годы ее коэффициенты составили соответственно 89,8 и 0,7 [5, с. 77]. Но в начале 1930-х гг. учет населения в городе был поставлен не лучшим образом, поэтому в архивах Магнитогорска встречаются противоречивые цифры по воспроизводству горожан. Есть данные, что и в 1931 г. смертность была на 323 чел. выше, чем рождаемость, зато в 1932 г. прирост горожан составил 915 чел. [6, оп. 1, д. 40, л. 54]. В целом можно спорить о достоверности цифр, но одно бесспорно – в начале 1930-х гг. демографическая ситуация в Магнитогорске была очень тяжелой.

Уже в 1934 г. в уральских городах рождаемость возросла, а смертность значительно уменьшилась, величина естественного прироста населения стала вновь положительной (см. табл. 2). В Свердловской области на каждую 1000 горожан родилось на 2,8 чел. больше, чем умерло, в Челябинской – на 3,3 чел. Но городские показатели по-прежнему уступали данным по областям (коэффициент естественного воспроизводства населения в Свердловской области составил 3,0; Челябинской – 8,2) и сельской местности (соответственно – 3,3 и 11,5) [9, оп. 329, д. 53, л. 3], но превышали цифры по городам Европейской части РСФСР, где разница между родившимися и умершими была всего в один чел. на 1000 жителей [9, оп. 329, д. 53, л. 7]. Вместе с тем в крупных центрах Урала с населением свыше 100 тыс. естественное воспроизводство горожан восстанавливалось медленнее, чем в целом по регионам. Коэффициент естественного прироста в них составил в Свердловской области всего 1,4, Челябинской – 2,7. В трех промышленных центрах Урала и в 1934 г. людей умирало больше, чем рождалось. Коэффициент убыли населения в Перми составил 6,3; Нижнем Тагиле – 0,2 и Челябинске – 2,0

[рассчитано по: 9, оп. 329, д. 53, л. 3]. Только в 1935 г. повсеместно окончательно было восстановлено естественное воспроизводство горожан.

По данным табл. 2, пик рождаемости в уральских городах пришелся на 1937 г., что было связано с реализацией постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении аборт. В последующие годы произошел спад рождаемости, более ощутимый в городах Свердловской области. За 1937–1939 гг. в данном регионе коэффициент рождаемости сократился на 13,7 %, тогда как в Челябинской области – всего на 5,3 %. В 1940 г. аналогичный показатель по городам Пермской области составил 39,3 [10, с. 313], что оказалось выше, чем по Свердловской области (37,1).

В середине и второй половине 1930-х гг. сохранялась высокая смертность в уральских городах. Рост ее шел вплоть до 1937 г. В дальнейшем, за период 1937–1939 гг., коэффициент смертности горожан в Свердловской области уменьшился на 18,8 %, а Челябинской – всего на 9,7 %. Но в 1940 г. в городах Свердловской области смертность вновь выросла при сохранившейся тенденции к уменьшению рождаемости. В указанный год коэффициент убыли горожан в Пермской области составил 26,2 [10, с. 315], он был выше аналогичного показателя по Свердловской области (25,6).

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. в уральских городах обозначился устойчивый тренд к сокращению коэффициентов рождаемости при неустойчивых, колебавшихся коэффициентах достаточно высокой смертности, что способствовало неустойчивому росту естественного воспроизводства населения и восстановлению его примерно на уровень 1929 г. (см. табл. 1 и 2) и даже небольшому превышению его. Но в 1940 г. из-за нового роста убыли населения городов коэффициент естественного воспроизводства горожан вновь упал в Свердловской области до 11,5, Пермской – 13,1 [10, с. 313, 315]. Из-за отсутствия данных не представляется возможным исчислить этот показатель за 1940 г. для Челябинской области.

Сохранившаяся демографическая статистика свидетельствует о высокой смертности мужчин в уральских городах. На протяжении 1929–1938 гг. удельный вес их среди умерших горожан не опускался ниже 53,1 %. Более того, в 1933 г. он поднялся до 56,6 (Челябинская область)–57,4 (Свердловская область) %. Но уже в следующем году доля мужчин среди умерших горожан вновь снизилась в Свердловской области до 53,6, а в 1939 г. – 52,9 %; в Челябинской – до 54,8 (1934 г.)–54,4 (1936 г.) %¹¹.

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что в возрастной группе 20–59 лет как в городах Уральской области (1932 г.), так и Свердловской (1933–1937 гг.) на 1000 мужчин женщин умирало меньше, чем в девочек 1–9 и 10–19 лет по отношению к мальчикам. Таким образом, повышенная мужская смертность была характерна, прежде всего, для трудоспособных возрастов. А в возрастной когорте 60 лет и старше, наоборот, женщин умирало больше, чем мужчин.

¹¹ Рассчитано по: 3, оп. 2, д. 30, л. 1–2, 5; д. 33, л. 30–30 об.; д. 170, л. 2, 4–5; д. 171, л. 1; 4, оп. 1, д. 98, л. 2 об., 3 об., 4 об.; д. 99, л. 3 об., 4 об., 5 об.; д. 100, л. 4–6; д. 101, л. 1–6; 7, оп. 4, д. 1118, л. 272 об.–275 об.; 9, оп. 329, д. 19, л. 4–5; д. 53, л. 3.

Таблица 3

Число умерших женщин на 1000 мужчин в разных возрастных когортах в городах Уральской и Свердловской областей в 1932–1939 гг.¹²

Возрастные группы	Уральская область	Свердловская область			
	1932 г.	1933 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
1–9 лет	885	862	871	864	877
10–19 лет	818	659	807	874	833
20–59 лет	682	518	686	683	670
60 лет и выше	1063	1028	1304	1249	1299
неизвест. возраст	444	333	706	625	361

На протяжении всего периода промышленной модернизации края, по данным табл. 4, наиболее высокие показатели смертности характерны для младенцев и детей от 1 до 4 лет. Маленькие горожане, не дожившие и до года, составляли свыше трети, а дети от 1 до 4 лет – четверть всех скончавшихся жителей городов. Проявилась тенденция к росту младенческой и детской (до 4-х лет) смертности. В городах Свердловской области исключением стал 1935 г., когда доля жителей возрастной категории в 1–4 года упала до 17,6 % среди всех скончавшихся. В последующих возрастных когортах смертность была намного ниже. Обращает внимание и то, что в 1933 г. вырос удельный вес всех возрастных групп в общей смертности горожан, за исключением возрастных когорт до года и 1–4 года, что связано с общим падением рождаемости в городах, особенно в этот год.

Таблица 4

Распределение умерших горожан Урала по возрастным группам в 1932–1939 гг., %¹³

Возраст. группы	Уральская область	Свердловская область				Челябинская область	
	1932 г.	1933 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
до 1 года	30,6	20,5	34,3	38,4	42,4	39,1	40,3
1–4	23,4	21,1	17,6	22,2	22,5	23,4	26,5
5–9	3,7	3,8	4,8	4,5	3,6	2,2	1,8
10–14	1,1	1,3	2,0	1,9	1,3	1,4	1,2
15–19	2,3	2,2	1,9	1,7	1,4	1,3	1,3
20–39	11,6	13,4	13,1	11,0	10,1	11,2	9,7
40–59	11,5	16,1	11,5	9,5	8,5	10,5	8,8
60–69	6,4	8,8	6,4	5,1	4,6	2,6	2,4
70 лет и выше	8,0	9,9	7,4	5,6	5,5	8,2	8,0
неизвест. возраст	1,4	2,9	1,0	0,1	0,1	0,1	0,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

По данным табл. 4, достаточно высокой была доля лиц трудоспособного возраста среди умерших горожан. Причем в 1933 г. удельный вес умерших в 20–39

¹² Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–1 об.; Д. 172. Л. 3 об.; Ф.Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 99. Л. 4 об.; Д. 100. Л. 3.

¹³ Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–1 об.; Д. 172. Л. 3 об.; Ф.Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об.; Д. 99. Л. 4 об.; Д. 100. Л. 3; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 6. Д. 789. Л. 140 об.; Оп. 7. Д. 487. Л. 75 об.

лет горожан в Свердловской области поднялся до 13,4 %, превзойдя аналогичные показатели 1932 г. по городам Уральской области. В дальнейшем он постепенно начал снижаться, достигнув в 1937 г. 10,1 %. Для Челябинской области также была характерна эта тенденция: доля жителей в возрасте 20–39 лет составила в 1938 г. 11,2, 1939 г. – 9,7 % среди всех умерших горожан региона. Подобный тренд был свойствен и возрастной когорте 46–59 лет.

В рассматриваемый период доля возрастной когорты 60–69 лет в общей смертности горожан Урала всегда уступала как лицам в трудоспособном возрасте, так и возрастной группе 70 лет и выше. Вместе с тем для этих возрастных групп – 60–69 лет и 70 лет и выше – характерно постепенное снижение их удельного веса в общей смертности горожан, что было связано с увеличением убыли младенцев и детей до 4 лет, а также значительной смертностью горожан в трудоспособном возрасте в предыдущие годы.

Таким образом, промышленная модернизация Урала оказала существенное влияние на демографическую ситуацию в уральских городах в 1929–1940 гг. Крупномасштабное индустриальное строительство, вызвав быстрый рост городского населения, привело к снижению рождаемости и сохранению на достаточно высоком уровне смертности, что способствовало снижению прироста населения. Наибольшие потери несли горожане в трудоспособном возрасте и дети до 4-х лет. В уральских городах была зафиксирована повышенная смертность мужчин.

Библиографический список

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р–1485.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–627.
3. ГАСО. Ф. Р–1812.
4. ГАСО. Ф. Р–1813.
5. Макарова Н.Н. Демографическая характеристика населения города Магнитогорска в 1930-е гг. // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2011. С. 75–81.
6. Муниципальное учреждение «Магнитогорский государственный архив» (МУ МГА). Ф. 16.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р–485.
8. ОГАЧО. Ф. Р–1595.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562.
10. Степанова Н.В. Динамика основных показателей естественного движения населения Пермской области (1941–1945 гг.) // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. С. 312–316.
11. Чашин А.В. Историко-демографическая характеристика города Алапаевска в 1920–1930-е гг. // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2011. С. 56–63.
12. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

© Журавлева В.А., 2014. Текст.

Информация об авторе

Журавлева Вера Анатольевна (г. Златоуст, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте, Россия (456209, г. Златоуст Челябинской области, ул. Тургенева, 16; e-mail: spign@zb-susu.ru).

Zhuravleva V.A.

NATURAL REPRODUCTION OF THE URAL TOWNSPEOPLE IN 1929–1940

Abstract. *The article on the basis of archival materials analyzes the dynamics of natural reproduction of population in the Ural towns during the industrial modernization edge. Considered the age and sex structure of mortality of the town population of the region in 1929–1940.*

Key words: historical demography; Ural townspeople; natural reproduction of population; birthrate; mortality.

Information about the author

Zhuravleva Vera Anatolyevna (Zlatoust, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Zlatoust branch of the South Ural State University, head of the social, law and humanities department, (16, Turgenev str., Chelyabinsk region, Zlatoust, 456209, Russia; e-mail: spign@zb-susu.ru).

УДК 94(574) "1941/1945"

Калыбекова М.Ч.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВЕ, РАЗМЕЩЕНИИ СПЕЦКОНТИНГЕНТА В КАЗАХСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье освещаются вопросы классификации и характеристики источников по изучению истории спецконтингента в Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны, так как делопроизводственная документация образует сложную систему исторических источников, созданных в процессе деятельности аппарата управления. Научное переосмысление исторического прошлого невозможно без конкретного источниковедческого анализа как уже известных, так и вновь вводимых в научный оборот источников. Поэтому эта статья дает возможность по-новому методологически и теоретически переосмыслить и дать оценку событий исследуемого периода.*

Ключевые слова: спецконтингент, Великая Отечественная война, исторические документы, классификация, Карлаг НКВД, военнопленные и интернированные, трудпоселенцы.

Научное переосмысление исторического прошлого невозможно без конкретного источниковедческого анализа как уже известных, так и вновь вводимых в научный оборот источников. Делопроизводственная документация образует сложную систему исторических источников, созданных в процессе деятельности аппарата управления. Содержание документов и конкретный состав документации определялись функциями учреждений, в которых они возникли.

Вопросам классификации источников посвящен ряд работ историков [1]. Однако до сих пор не разработаны классификационные схемы разделения источников на виды и группы. Поэтому классификацию можно производить в